

Ирина Ярич

«Увидеть Париж и умереть»

детективные повести

Ирина Ярич

**«Увидеть Париж и умереть».
Детективные повести**

«Издательские решения»

Ярич И.

«Увидеть Париж и умереть». Детективные повести /
И. Ярич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835501-1

В книгу вошли две детективные повести: «Абстрактная реальность» и «Увидеть Париж и умереть». Найден труп на лавочке в парке. Кому мешал мясник? Знаменитому художнику, его жене или покойный кого-то разочаровал до лютой ненависти? Убит иностранец и его любовница. Кому они помешали? Расследование ведут комиссар Луи Вермандуа и инспектор Франсуа-Пьер Фрежюс.

ISBN 978-5-44-835501-1

© Ярич И.
© Издательские решения

Содержание

Абстрактная реальность	6
I	6
II	7
III	8
IV	9
V	10
VI	12
VII	13
VIII	16
IX	17
X	19
XI	20
XII	21
XIII	23
XIV	25
XV	26
XVI	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**«Увидеть Париж и умереть»
Детективные повести
Ирина Ярич**

© Ирина Ярич, 2016

ISBN 978-5-4483-5501-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Абстрактная реальность

I

Клотильда возвращается из художественного салона, куда она отвозила одно из последних живописных полотен своего мужа. Она в хорошем настроении, вспоминая восторженные отзывы владельца салона и штатного искусствоведа. Клотильду заверили, что, несмотря на немалую цену, картина у них долго не задержится. Современный абстракционизм пользуется большим спросом, особенно среди заезжих американцев.

Клотильда горда за мужа и радостное настроение не портит нудный мелкий дождик и серый тусклый день. Бесцеремонные капли небесной влаги хаотично несутся, игнорируя зонты, шарфы и шляпы и, падают куда попало, на одежду и лицо, а то и за воротник на шею. Клотильда усмехнулась. «Почти как у Туссена, – подумала она, – ах, если бы я умела рисовать!» В который раз женщина сокрушалась, что не обладает тем даром, что и её муж. Уже за одно это его обожает, нет, она его боготворит... Конечно, она обрадует Туссена горячими отзывами о его работе, перескажет все добрые слова и пожелания, услышанные в салоне. Ещё бы им не восхищаться! И, хотя там выставляется не только Туссен Тостивен, но именно благодаря его картинам этот художественный салон процветает и известен далеко за пределами своего XVI арондисмана¹ Пасси, но и почти по всему Parisintra-muros².

Клотильда подняла руку, чтобы поймать такси. Нет, она не прячется от дождя и не спешит домой, то есть, конечно, спешит по-своему, не торопясь.

– В департамент О-де-Сен, – сказала она водителю.

Автомобиль направился из Пасси к верховьям Сены. Свернул на Бульвар Периферик³ в западном направлении, затем повернул на развязке Ля Дефанс/ Порт Майо. Проехал около трёх километров, затем въехал на мост Понт де Нюлли. В этом районе Сена раздваивается на два рукава и омывает остров Путо, что простирается под мостом узким и длинным хвостом, а массивной заросшей зелёной массой уходит дальше на юго-запад против течения Сены. Близко от него, на северо-восток протянулся остров Гранд-Жатт, широкий в центральной застроенной части и узкий с обоих краёв. Таксист повернул на развязке Дефанс 1.

В самом центре этого самого большого в Европе делового квартала среди небоскрёбов в отеле у Клотильды встреча.

¹ Арондисман – округ, в Париже 20 округов.

² Paris intra-muros – «внутри стен», собственно Париж

³ Периферик – Парижская кольцевая дорога

II

Туссен мешал краски и наносил то пятна, то штрихи, только ему понятном порядке и только ему понятном содержании. У этой картины название «Утреннее настроение». Последние годы ему необязательно часто выезжать из дома и совершать дальние поездки в поисках сюжетов и вдохновения. Иногда Клотильда по собственной инициативе вывозила его, как она говорила «на природу», что означало за пределы Большого Парижа и «в свет», тогда они колесили по улицам и площадям и по ближним оживлённым пригородам в поисках вида, который «зацепит». Раньше Туссен очень любил писать на берегу моря или в провинциальных городках и деревушках, об этом напоминала ему Клотильда, а из его памяти это давно стёрлось и фотографии проданных картин не порождали ностальгию, не будили воспоминания, о которых любила говорить жена. Последние две поездки к морю Туссена и вовсе разочаровали, он не увидел что-либо достойное, чтобы запечатлеть на полотне и попросил Клотильду на это бессмысленное дело не тратить ни его, ни её время. Действительно ничего особенного не происходило ни на море, ни на берегу. Оба раза был штиль, и вода почти замерла, едва облизывая песок и камушки на пляже. Тусклое небо, затянутое облачной дымкой сливалось на горизонте с морем почти такого же цвета. Куда ни посмотрит, всюду голубоватая серость. Жена удивилась и хотела было поспорить, по её мнению берег и море, да и не только они, а всё что окружает в любую погоду интересны, своеобразны и каждый день их можно видеть по-разному. Но потом передумала настаивать, ведь Туссену лучше «видно» что и где писать, а она найдет, чем себя занять.

Туссен ни в детстве, ни в юности не увлекался ни механизмами, ни машинами, поэтому, когда у них появилась возможность купить автомобиль, то они с Клотильдой решили, что водить будет она. Вообще Туссен считал, что с женой ему очень повезло, она избавляла его от множества бытовых и хозяйственных проблем, никогда не высказывала, связанных с этим укоров. Клотильда будто переросла из любимой жены в продолжение его самого, одновременно отстранённого и заботливо-услужливого контролёра их общего бытия, что позволяло Туссену полностью погружаться в творческое созидание.

Туссена не особо волновало, а точнее совсем не интересовало, как и на какие средства они живут, каким образом продаются картины, хотя Клотильда всегда подробно рассказывала мужу какую картину кто купил и каков размер гонорара, ничего не утаивая. Но в памяти Туссена подобная информация задерживалась настолько, сколько времени об этом говорила жена. Клотильда неустанно повторяла мужу, что он гениальный художник, и она в него верила всегда, практически с первого дня знакомства. И это была правда. Конечно, Туссену приятно слышать мнение жены и отзывы коллег и критиков, но помнил о них буквально несколько минут и вновь погружался в свой мир – мир цветовых пятен и световых бликов, мир странных форм и загадочных контуров и, конечно, в мир запахов. Туссен даже написал несколько картин на эту тему, от «Запаха лета» до «Запаха жены». Последнюю купили за астрономическую цену, и одна эта картина обеспечила им безбедную жизнь в течение года, за который Туссен написал ещё несколько «запахов...», в том числе и ещё «Запах жены на закате в августе». Судя по названию, содержание существенно отличается от предыдущей картины со схожим названием. Это полотно Клотильда выставляла в салон не стала, она продавала далеко не все, ведь гонораров с лихвой хватало на жизнь, а транжирить деньги с таким трудом заработанные мужем, считала не в праве, ведь он почти сутками писал и писал. Картины, которые ей приглянулись и с которыми жалко расстаться Клотильда оставляла дома и, когда они не стали помещаться на стенах, освободила кладовку, сделав из неё «запасник» и время от времени меняла «экспозицию», любуясь творениями Туссена Тостивена.

III

– Господин комиссар, он здесь!

Луи Вермандуа неохотно, но уверенно направился к скамье.

«Проклятье, – думал комиссар, – весь день шёл дождь, разве останутся теперь отпечатки или какие-нибудь следы», – и, обойдя лужу на асфальтовой дорожке, ступил на мокрые палые листья. Между деревьями за полуобнажёнными ветвями притаился фонарный столб, освещаая желтоватым рассеянным светом ещё влажную скамью и на ней труп в сыроватом костюме из-под распахнутой ветровки. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что смертельный удар стал для этого бедняги неожиданным, так считал комиссар.

– Проникающий удар острым, тонким и длинным предметом в область сердца, – сказал эксперт. – Смерть наступила часа два-три назад.

– Значит в семь или восемь вечера.

– Примерно так, господин комиссар.

– Чем, заточкой? – подошёл инспектор Франсуа-Пьер Фрежюс.

– Возможно, но пока не уверен.

Около часа назад в комиссариат позвонил неизвестный, представиться отказался, он сообщил, что в сквере, недалеко от входа в метро Ля Дефанс его испугал мертвец, к которому он подсел на скамейку.

При трупе полицейские не нашли ни денег, ни часов, ни мобильного телефона, только карточка. По ней определили, кто он и где живёт. Осталось выяснить, кто и за что его убил.

IV

Наконец-то дождь закончился и тучи разошлись, исчезли за горизонтом. После последних серых дней солнечный свет наполнил округу яркими красками. В голубизну врезаются высотки, в которых отражаются и небо, и другие дома и пёстрые деревья. Нижние этажи прикрывает разноцветная листва – зелёная с желтоватыми прядями или вкраплениями, зелёно-бурая, зелено-желтовато-розовая. С утра было прохладно, но к полудню воздух прогрелся и для октября довольно тепло. Вокруг разносится терпкий запах палой листвы, пахнет осенью. Даже выхлопные газы множества автомобилей не в состоянии заглушить чарующий запах засыпающей природы.

Туссен любит такие дни, после дождя мир становится ярче, сочнее и запахи более насыщенные. Иногда в отсутствии жены Туссен выходит и гуляет один. Клотильда против подобных одиночных вылазок мужа, потому что из-за рассеянности уже дважды заблудился, благо тогда ушёл недалеко и она сама нашла слоняющегося по переулкам Туссена, когда он с увлечением рассматривал квартал, будто не бывал здесь ни разу. «Значит, – подумала Клотильда, – «увидел» знакомый квартал «по-новому».

Туссен нашёл выход, чтобы не заблудиться и вернуться до возвращения жены, чтобы не волновать её, он считал шаги и старался не сворачивать с прямой дороги. Счёт не мешал художнику созерцать округу.

Когда жена пришла домой, Туссен нанёс завершающие мазки. Клотильда провела сегодняшний день удачно и решила не возиться на кухне, а дать себе отдых от стряпни. По дороге заехала в ресторанчик, где можно сделать заказ с собой, купила несколько готовых блюд.

Клотильда вошла в мастерскую. Полумрак рассеивал свет от фонарей, что стояли на улице почти напротив двух больших окон. Клотильда включила свет. Возле мольберта, опершись на столик с множеством тюбиков с красками, дремал Туссен.

– О, мой милый гений, опять весь день работал.

Туссен вздрогнул от голоса и прикосновения.

– Ты, сегодня, дорогая вкусно пахнешь... А я, кажется, закончил картину, назвал «Прогулка перед закатом».

Любитель реалистической живописи не нашёл бы никакого сходства между названием и содержанием картины. Клотильда же понимала, что в этих пятнах, геометрических фигурах и штрихах есть определённый порядок или система, и ей они нравились. Впрочем, Клотильде нравились все картины мужа, и она в очередной раз искренне воскликнула:

– Превосходно, Туссен! Какое замечательное сочетание цветов! И впрямь осенний предзакатный вечер. Какой удачный день!.. А на столе в столовой ужин из ресторана!

Клотильда взяла мужа под руку, и они направились ужинать.

* * *

Туссен не слышал, как заснула жена, он спешил воплотить новый замысел: натюрморт «Праздничный ужин для двоих».

V

– Да, Николь, – ответил комиссар Вермандуа на звонок жены, – ты ложись, не жди меня. Скорей всего вернусь поздно.

– Людовик, Мишель обещала привести завтра Даниэля, но пока точно не знает во сколько, скорей всего утром.

– Вот, здорово! Она внука оставит? хотя бы на сутки? Похоже, что завтра днём вряд ли удастся мне вырваться.

– Не знаю, Людовик. Попрошу её. Если хочешь, позвоню сейчас.

– Не надо, Николь, не тревожь, пусть отдыхает. Ты мне оставь чего-нибудь поесть.

– Конечно, Людовик, я как раз собираюсь приготовить что-нибудь к приезду дочери.

– Николь, дорогая, провозишься до полночи, а когда приедут Мишель и Даниэль ты будешь без сил. Закажи в ресторане и ложись спать.

– Людовик, но это же дорого.

– Брось, иногда позволить себе можем.

– Хорошо, Людовик. Мишель любит окуня, запечённого в муке с мармеладом из лайма, вот и закажу, а для Даниэля какой-нибудь десерт на молочной основе. Сама запеку печенье утки, она уже разморозилась. Так, что не волнуйся это недолго. На плите оставлю для тебя печенье и на столе десерт – яблоко и грейпфрут.

– Договорились, дорогая, доброй ночи.

– Доброй ночи, дорогой и найти тебе больше улик!

– Спасибо.

Инспектор Фрежюс держит билет на метро и внимательно рассматривает.

– Ну, что там, Франсуа-Пьер?

– Куплен на станции Ля Муэтт, господин комиссар, за 1, 33 евро.

– Карне⁴. Этот билет последний из десятки или нет? Если нет, то где остальные? У грабителя? – рассуждал Луи Вермандуа не столько с инспектором, сколько озвучивал мысли.

– Теперь мы знаем, что сюда пострадавший приехал из квартала де ля Муэтт шестнадцатого округа.

– Если узнаем, зачем он приехал, возможно, это приблизит нас к тому, кто от него избавился, – предположил комиссар.

– Вот его карточка.

– Едем в комиссариат, – Луи Вермандуа и Франсуа-Пьер Фрежюс сели в Citroen.

После того как по номеру пластиковой карточки через банк выяснили имя её владельца и адрес комиссар и инспектор поехали туда, откуда Жак Форси, так звали убитого, отправился в последнюю поездку по Парижу.

Citroen остановился у дома номер восемь в квартале Муэтт. Часть первого этажа этого шестиэтажного дома занимал мясной магазин. Здесь же на втором этаже жили его владельцы, супруги Форси. На продолжительный звонок в дверь в одном из окон второго этажа загорелся свет, его тонкая полоска едва виднелась между плотными ночными шторами. Минуты через две осветилось ещё одно окно, через три от первого. И вскоре за дверью послышалось:

– И, где ты шляешься?! Жди тут, волнуйся, а тебе всё нипочём!

Отпёртая дверь приоткрылась, сонная женщина с растрёпанными волосами и в ночной рубашке грозно воскликнула:

⁴ Карне – 10 билетов на метро, стоимостью 13, 3 евро на 2013 г. При покупке только одного билета его стоимость составляет 1, 7 евро

– А вы, кто такие?! И, где Жак?!

* * *

Рыданиям и причитаниям, в которых сквозила жалость к себе, казалось, не будет конца. Мадам Барбара опознала в убитом своего мужа.

Не успели задать ей вопрос, что месье Форси привело в Ля Дефанс, как вскоре услышали:

– Зачем, зачем Жак ездил в Ля Дефанс? – повторяла жена покойного. – Понять не могу... Бедный мой Жак Мечтатель... Как же мне одной тянуть магазин?

«К сожалению, она не поможет прояснить...» – и, тем не менее, комиссар всё же спросил:

– Мадам Барбара, ваш муж часто ездил в пригороды или за пределы Большого Парижа?

– Бывало, – женщина утирала слёзы, – один-два раза в неделю. Поездки были связаны с выбором мяса. С поставщиками в основном общался Жак, а я следила за порядком в магазине... Когда я могу забрать его?..

– Мы сообщим, – сказал инспектор, – возможно, вам придётся ответить ещё на некоторые вопросы.

– За что же его, господа? Жак и мухи не обидит...

– Выясняем, мадам Барбара, – сказал комиссар, – предварительная версия – ограбление.

– Да, что же у него грабить? Приходите, посмотрите, как мы живём. Ничего особенного у нас нет, уж тем более не роскошествуем. Квартира вместе с магазином досталась Жаку от отца. Сами, видно знаете, в округе много шикарных магазинов, да и в нашем квартале тоже немало и нам конкурировать трудно... у Жака не было деловой хватки... Позвольте мне уйти, господа, я едва держусь на ногах.

– Конечно, мадам, – сказал комиссар.

* * *

– Франсуа-Пьер, который час?

– Четыре двадцать после полуночи, господин комиссар.

– В ближайшие часы мы ничего не выясним, надо поспать.

– И перекусить, – добавил инспектор.

– Пошли по домам. Встретимся в комиссариате в двенадцать.

VI

Туссен почти всю ночь писал, уснул под утро и встал, когда перевалило за полдень. Клотильда к этому времени с помощью современных помощников – моющего пылесоса закончила уборку за исключением мастерской и спальни мужа и приготовила обед посредством мультиварки. К сожалению, её угнетало ощущение тоски, совершенно беспричинной, по её мнению. Внезапно приступ тоски возник вчера вечером во время ужина и в последующем то усиливался, то угасал в зависимости, как поддавалась унынию Клотильда или пыталась подавить непонятное ощущение грусти, похожее на утрату чего-то или кого-то необходимого.

После обеда Клотильда предложила мужу съездить в Булонский лес, который соседствует с шестнадцатым округом сразу же за окружной дорогой. Булонский лес изначально состоял исключительно из берёз, о чём говорит его название, но со временем ветром занесло семена и других пород деревьев. И всё же до сих пор есть большие участки сплошь из берёзняка – светлого, пронизанного солнечными лучами, где невольно настроение улучшается, хочется жить и радоваться жизни.

Раньше они оба обожали гулять по многочисленным дорожкам и тропинкам, вдыхать лесной аромат, любоваться на стройных красавиц-берёзок с раскидистыми ветвями. Но в последние годы Туссен всё меньше видел в лесу красоту и гармонию, поэтому супруги вместе выезжали реже и реже. Исключения бывали в переходные периоды и конечно, в период золотой осени, когда листва приобретает различные оттенки от жёлто-зелёного до багряно-бурого. Благо сейчас такая пора и Клотильда надеялась, что муж найдёт на пленэре подходящий сюжет, а она, быть может, отвлечётся. Обычно пребывание на природе её успокаивало.

Они долго колесили. Клотильда терпеливо ждала, проезжая мимо живописных аллей, массивов, казавшихся непроходимой чащей издали и манящей рощей вблизи. Наконец, Туссену приглянулся невысокий холм, пёстрый от разноцветной листвы вперемежку с редкими ярко-зелёными лапами елей.

Пока Туссен писал, Клотильда прогуливалась неподалёку. Как и прежде женщина с удовольствием наблюдала, как шмели, перелетая с одного увядшего растения на другое засыхающее, ищут цветки, иногда им удаётся найти поздний. Попадают растения, пригретые солнцем, они зацветают второй раз и на такие цветки устремляются прозрачнокрылые разных размеров – от крупных шмелей до мелкой, едва заметной мошки. Неуёмные муравьи спешат друг за другом, будто промедление или заминка может стоить жизни всему муравейнику. Кто знает, возможно, так и есть, но нам этого не понять. Птицы тревожно перелетают, изредка вскрикивая и щебеча вдогонку, словно опасаются скорого прихода холодов.

Наблюдение за лесной живностью не принесло душе отраду как бывало раньше. Напротив всё больше стало одолевать чувство одиночества. Тогда Клотильда захотела вернуться обратно в квартал, где прожила много лет, чтобы забыться, раствориться среди людской суеты. Клотильда надеялась, что поможет и в то же время неосознанно сомневалась в этом.

Туссен увлечённо писал и не подозревал о душевном мытарстве жены. На полотне рождался шедевр абстрактного искусства «Запах Булонского леса в октябрьское предзака-
тье».

VII

Комиссар и инспектор снова приехали в мясной магазин Форси. Мадам Барбара с неохотой повесила табличку «Технический перерыв» и вышла из-за прилавка, где в изобилии представлена свинина, говядина и баранина от рулек до антрекотов.

– Месье комиссар, когда отдадут тело мужа?.. Как вы считаете кремировать или нет? Я никак не решу. Мы с Жаком об этом никогда не говорили, кто же мог предположить...

– Тело, мадам Барбара сможете скоро забрать, закончим лишь некоторые формальности. По поводу выбора вида захоронения тут я вам не советчик... Мадам Барбара, кто ещё проживает у вас в квартире?

– Каспар, сын, он сейчас на занятиях, учиться в частном колледже. Муж настоял, хотя я считала, чтобы работать в нашем магазине достаточно и школьного образования. У Жака было другое мнение, он всегда сожалел, что его родители не позаботились о выборе профессии по душе сына и пресекли все его попытки поступить по-своему. Жак утверждал, что Каспару необходимо учиться, а потом, когда повзрослеет, пусть сам решает заниматься магазином или каким-нибудь другим делом. А по мне так это лишняя трата денег, мы же с Жаком обошлись без образования. Главное – есть своё дело, хоть магазин и невелик, – Барбара обвела рукой вокруг – просторную комнату и витрины, – там, – указала она за приоткрытую дверь в стене, – два небольших холодильника. В одном висят и лежат туши, в другом – разделанное мясо и фарш, ждут своей очереди занять место на прилавках. Есть маленькая разделочная... Ой, теперь надо искать рубщика мяса... И комнатка, где мы ведём финансовые расчёты. Кухня. На втором этаже спальни, ванная комната, гостиная. В одной из комнат живёт Митарра, помощница по хозяйству. Она у нас уже года полтора, не меньше.

– Она сейчас здесь?

– Да, возможно на кухне.

– Франсуа-Пьер, сходи, поговори с ней. Вы позволите, мадам?

– Пусть идёт, только какой толк?.. Не представляю, комиссар как вы найдёте убийцу?

Луи Вермандуа промолчал, он тоже пока этого не знал. Жак Форси мог оказаться случайной жертвой, допустим наркомана, страдающего от ломки, которому необходима доза, добытая любыми средствами. Если произошло именно так, то убийцу найти будет нелегко, впрочем, другие версии тоже не обещают лёгких путей.

– Мадам Барбара, кто, по вашему мнению, недолго любил месье Жака до такой степени, что мог убить?

– О, нет, господин комиссар я таких не знаю. Да и за что? Обычный, не скандальный. Если кто и ругался у нас в доме, так это я, но уверяю вас, что мужа не убивала. Признаюсь, любви не было, может, поэтому и ворчала. И, тем не менее, мне с мужем повезло, хотя всегда хочется большего, но ведь бывает хуже и гораздо. А у нас в семье фактически главой была я и меня это вполне устраивало.

– Месье Жак ездил к поставщикам на личном автомобиле?

– Очень редко. У нас Renault Kangoo для перевозки небольшого груза. Жак не любил водить, опасался, что задумается и пропустит знак или куда-нибудь врежется. Что поделать, мечтатель. За мясом ездили вместе или я одна, а Жак в основном предпочитал сидеть на пассажирском месте или ездить на общественном транспорте.

– Почему вас удивило присутствие мужа в Ля Дефансе?

– У нас нет там поставщиков! По крайней мере, мне они неизвестны.

– Бывало, что месье Жак находил новых поставщиков?

– Да, но очень редко.

– А не мог ли возникнуть конфликт или ссора с кем-нибудь из них?

– Из-за чего? Жак обычно уступал, за что, бывало, ругала его я. Если же условия нас совсем переставали устраивать, то по истечении срока договора мы его не продлевали.

– Мадам Барбара, вы неоднократно назвали мужа мечтателем, что вы имели в виду?

– То как назвала, то и имела в виду. Муж не обижался, хотя порой Жак Мечтатель бросала ему как ругательство. Жак любил что-либо рассматривать подолгу, говорить об этом, но делать что-либо у него не всегда хорошо получалось.

– Вы хотите сказать, что у вашего мужа была натура скорее созерцательная, чем деятельная...

– Вот именно!

– Да, для мясника это не очень-то практично и выгодно.

– И в этом вы правы, комиссар и мне трудно было молчать и одобрять, думаю, понимаете.

– Мадам Барбара, какие взаимоотношения были между месье Жаком и сыном?

– О, муж обожал Каспара! Жак много читал, любил ходить в кино, театр и приучил сына. У них много было общих тем для бесед. Частенько они в комнате Каспара обсуждали новый фильм или роман или музыкальные группы. Я в их разговоры не вмешивалась. Заняты, мне не мешают и я довольна... Самый тяжкий момент в моей жизни, когда говорила сыну, что отца убили. Даже хуже, чем получила это известие сама. Для Каспара это действительно трагедия... Я не смогу заменить ему отца... Хорошо, что мальчик уже большой, восемнадцать лет. Надеюсь, молодость своё возьмёт и он отвлечётся. Пока же ему очень плохо. Как узнал, пролежал, не выходя из своей комнаты несколько часов, отказываясь от еды, и смотрел на меня с укоризной, мол, как можно думать о чём-то кроме такой невосполнимой утраты. Еле уговорила пойти на занятия и то лишь потому, что это одобрил бы отец.

– А какие взаимоотношения были у вашего мужа и служанки?

– Господин комиссар, мы не называем Митарру служанкой. Помощница по хозяйству. Да никаких взаимоотношений. По-моему Жак вообще не особо замечал её. Постоянно в своих мыслях. Если же она что-либо сделает, неизменно благодарил, я бы сказала, был отстранённо вежлив. Никогда не вмешивался, если я делала ей выговоры. Надо признать, что мне угодить нелегко и бывает нередко, нет, не придираюсь, но нахожу погрешности в её работе. Митарра молчалива, не спорит, не доказывает свою правоту, за что и терплю её. Иногда кажется, что она назло не выполняет поручения, но после того как отругаешь – исправляет. Она вообще тихая и незаметная. У неё видимо способность быть незаметной. Бывает она невдалеке или в той же комнате, а не замечаешь, будто и вовсе нет. Мне порой её жалко.

* * *

– Франсуа-Пьер, что «помощница по хозяйству»? разболтала чего-нибудь?

– Ничего подобного, господин комиссар.

– Как? Тебе не удалось её разговорить?

– Увы. Не поддалась. Какая-то пришибленная, совершенно не современная. И откуда мадам Форси её выудила?

– Об этом не спросил. Если, что наведемся ещё. Ну как впечатление?

– Так, серая мышка и одета в цвета пожухлой листвы. Вроде бы не старая, похоже, даже моложе хозяйки, а вид увядший.

– Ох, ты эстет. Не могут же все быть хорошенькими. Женщины разные нужны. Это дело вкуса.

– Безусловно... А про хозяев ничего не рассказала. Твердила как попугай: «Господин Жак был добрый. Сожалею. Мадам Барбара строга, но справедлива. Каспар прилежный, слушает родителей...»

– Говоришь, твердила как попугай, выходит без эмоций.

– Какие там эмоции, похоже, она не знает, что это такое. Глазки опустила и в одной тональности: та-та-та, та-та-та на все вопросы.

– Странно... Почему она не хочет говорить правду? Выгораживает хозяев? Что-то скрывает?

– По-моему ей до фонаря, как сами хозяева, так и то, что с ними происходит.

– Возможно. Не исключаю, что нам придётся сюда вернуться.

– Вроде бы обычная, нормальная семья.

– Да, согласен... Но, кто-то же убил Жака Форси.

VIII

Туссен вернулся с пленэра в хорошем настроении, более того в приподнятом и бодром. За двое суток он написал, как минимум три удачные картины. Такое случалось далеко не всегда, поэтому весело напевал грустные песни Шарля Азнавура. Настроение Туссена, к сожалению, жене не передалось, хотя Клотильда всегда искренне разделяла печали и радости мужа. Конечно, она была довольная, когда у Туссена ладилось, и он не хандрил и тем более, когда находился в творческом подъёме. Клотильда всё никак не могла справиться с щемящей грустью, взявшейся неизвестно откуда. Клотильда опасалась, что муж заметит, что на душе у неё паршиво и примет на свой счёт, а ведь это совсем не так. И Клотильда улыбалась Туссену, напевала вместе с ним и как обычно хвалила, вполне заслуженно его талант, упорство и работоспособность.

На ужин разморозила фрикадельки из говядины, сделала омлет и подогрела куриный бульон. Фрикадельки подала мужу с соусом тартар из солёных огурцов, как он любит.

Довольный и сытый Туссен обнял жену и, наклоняясь почти к уху, произнёс только ему присущей интонацией.

— Пойдём в твою спальню...

Раньше Клотильда лишь услышит этот тембр любимого голоса и «крепость» сдавалась с удовольствием. Проходили годы, Туссен погрузился в творчество, может быть излишне, перешёл с реалистического изображение на абстрактное, и так совпало, что реже звучал сладостный призыв сирена. Реже супруги Тостивены просыпались вместе в общей постели, всё чаще каждый в своей спальне. А сейчас Клотильде совсем не до того. Как же быть? Испортить мужу столь не частое замечательное настроение? Конечно же, нет! И Клотильда, сдерживая вздох обречённого, улыбнулась, обняла мужа и направилась исполнять супружеский долг.

IX

Насмотревшись на мясное изобилие госпожи Форси, комиссар и инспектор изрядно проголодались. Они зашли в ближайшее кафе, но не только чтобы утолить голод, но и послушать местных завсегдатаев.

Луи Вермандуа не спеша доел луковый суп и приступил к котлете со сметанным соусом и брокколи. Франсуа-Пьер Фрежюс расправлялся с антрекотом, запечённым с ананасом и майонезом. Они ели и прислушивались к разговорам за соседними столиками. Реплики посетителей кафе лишь подтвердили то, что было известно – добряк, порядочный семьянин – о Жаке Форси. Сочувствовали вдове, сыну, негодовали на злодея, недоумевали, что тот лишил жизни милого и степенного соседа, притом как в Париже полно негодаев, которых ждёт-не дожётся гильотина.

Когда с обедом было покончено и выпито кофе с булочками пришлось покинуть кафе.

– Куда мы, патрон, в комиссариат?

– На место преступления.

* * *

– Что мы ищем, господин комиссар?

– Убийцу, забыл!

– В траве?!

– Франсуа-Пьер, я начинаю опасаться за твои ответы квалификационной комиссии, а ведь осталось меньше месяца. Как бы из инспекторов не улететь в постовые.

– Господин комиссар, вместо того, чтобы поддержать словом и делом как опытный коллега вы надсмехаетесь и пугаете.

– У нас ни одной зацепки, а ты считаешь, что мне весело! Ищи улики!

– Здесь всё осмотрели в прошлый раз!

– Тогда было темно, а мы все сонные, могли что-нибудь упустить.

– Да тут, наверное, уже столько народа прошло...

– погоди, это что?

– ...

– Клубок шерсти...

– Откуда он тут? Такой маленький, будто просто коричневый шарик...

– Шерсть в клубке сырая, но не мокрая. Значит, потерялся, когда дождь заканчивался или после упал в мокрую траву. Потом шерсть подсохла, – комиссар положил клубок в пакетик, что достал из бокового кармана и опустил обратно.

Луи Вермандуа огляделся, впрочем, предместье это ему хорошо известно. В пятидесяти метрах вход в метро, по другую сторону громоздятся дома, между ними выглядывает отель.

– Франсуа-Пьер придётся порыскать вокруг, может, кто видел Жака Форси с кем-нибудь вместе. Я пойду в отель. Шансов мало, но может, повезёт и он там останавливался.

– Вряд ли. Отсюда до его дома езды час с небольшим.

– И всё же пойду. Не успокоюсь пока не проверю. Встретимся в комиссариате. Найдёшь что-то стоящее – звони.

* * *

Франсуа-Пьер пришёл в комиссариат в то время, когда Луи Вермандуа добавлял новые сведения в электронную базу уголовного дела об убийстве Жака Форси.

– А я оказался прав, мой юный коллега, – задорно сказал комиссар.

– Не такой уж я юный... О чём вы, патрон?

– Не скромничай... Жак Форси останавливался в отеле!

– Да, ну!

– Именно! Он забронировал номер заранее на сутки. Приехал утром. Несколько раз выходил, но большую часть дня провёл в номере, а к вечеру его освободил.

– И, что нам это даёт?

– Пока не знаю. Надо подумать и искать. Что у тебя?

– Обрадовать нечем. От меня удача отвернулась. Не нашёл никого, кто бы видел Жака Форси одного или с кем-либо.

– Жаль, но это следовало ожидать, хотя не знаешь, где и когда повезёт. Удача – дама чересчур капризна и переменчива... Мне завтра с утра к дивизионному комиссару, а ты как придёшь, обзванивай гостиницы шестнадцатого округа за исключением квартала Муэтт, да ещё в предместьях, хотя бы выборочно.

– И, что спрашивать?

– Как, что? Был ли в числе посетителей, гостей, клиентов Жак Форси?!

* * *

Луи Вермандуа вошёл в прихожую и тут же услышал: «Ура! Дедушка!» Это Даниэль бежал к нему из гостиной. Комиссар только успел снять и повесить плащ как его ноги обхватил пятилетний внук. Дед поспешил поднять и поцеловать его и вместе с ним на руках отправиться к остальным домочадцам. Навстречу ему шла Мишель.

– Здравствуй, папа. Как дела?

– Нормально, дочка. По-прежнему: ищем, кого-то находим, кто-то убегает, скрывается. Как ты? Как Ален?

– Хорошо, папа. Ален к субботе должен вернуться из Лиона, из командировки.

– Людовик, идём к столу! – крикнула жена из кухни. – Мы решили, ждём ещё десять минут и начинаем ужинать. Так что ты вовремя.

– Старался, Николь, можно сказать важное дело отложил.

– Ах, Людовик, что может быть важнее семьи?

Луи Вермандуа эту спорную тему развивать не стал, чтобы не портить вечер в кругу родных.

* * *

Инспектор Фрежюс не спешил возвращаться в свою холостяцкую квартиру и направился в кафе, что неподалёку от комиссариата, чтобы поужинать и отвлечься от этого нудного и бестолкового дела. Франсуа-Пьер недоумевал, почему комиссар не разрабатывает версию об ограблении, о которой говорит начальству и журналистам как об основной, правда притом добавляет «не исключены варианты сути происшествия». Попробуй тут разбери. По мнению инспектора «основная» версия более очевидна и виновного найти было бы если не легче, то несколько проще. Сделали бы облаву в притонах наркоманов, наверняка сами же кого-нибудь сдали бы. Но «как говаривает патрон, – Франсуа-Пьер в который раз напоминал себе, – «то, что на первый взгляд очевидно не всегда в последующем достоверно». Вот обзвоню завтра десяток отелей... нет, комиссар скажет мало, – размышлял Франсуа-Пьер, – хорошо – полтора-два десятка, и начну параллельное расследование по основной версии, о которой патрон только рассказывает, но никаких мер не предпринимает...», – тут мысль о работе прервалась. Около стойки бара стояли две молодые интересные женщины. Обе приглянулись, но какая больше Франсуа-Пьер ещё не определил и лихорадочно думал, с какой из них познакомится: с блондинкой или брюнеткой?..

Х

Клотильда спешила сделать домашние дела – приготовление завтрака и ежедневную утреннюю уборку квартиры, чтобы пойти в мясной магазин.

Когда жена ушла, Туссен тоже стал одеваться. Он заметил, нет, скорее ощутил, что Клотильда не настроена на совместную прогулку или поездку, а обременена хозяйственными проблемами и соображениями и не хотел мешать, поэтому пошёл один. В совместных прогулках с женой Туссен был спокойнее, увереннее, ощущал себя будто защищённым и... беспомощнее, попадая в большую зависимость от Клодильды, так как она легче и лучше ориентировалась в быстро меняющемся окружающем мире. Довольно часто это положение Туссена устраивало, но иногда начинало раздражать и чтобы не сорваться в бурный конфликт, чего по убеждению художника его жена совсем не заслуживала, он уходил из дома и шёл, куда глаза глядят, но не всегда пешком, чаще на такси. Туссен уезжал не в поисках сюжетов, а для своеобразного самоутверждения, ведь стало так сложно и малопонятно вокруг и часто он не понимает, что за предметы и сооружения находятся рядом и только запахи остались неизменными, они своеобразный путеводитель в мире вещей и ещё, конечно, цвета.

Туссен постоянно удивлялся тому, какие странные теперь делают автомобили и строят здания, выводят новые породы собак и кошек, селекционируют растения! Как добиваются таких странных геометрических форм для живых существ, цветов и деревьев?! Какие гениальные люди! Вот кто достоин высочайшей похвалы и баснословных гонораров, а не он, который лишь срисовывает то, что видит, ведь ни одного сюжета не придумал, в его картинах нет ни особого воображения, ни фантазии, а лишь попытка передать увиденный момент и собственные впечатления. Туссен этого не скрывает и в ответ на восторженные возгласы жены и других отвечает: «Пишу, как вижу. Что вижу, то и пишу». На что Клодильда обычно мудро замечала: «Видишь так, дорогой только *ты*. И в этом твоя особенность и, быть может, гениальность».

Удивление окружающими формами обычно продолжаются недолго, после выхода из дома – привычного мира на улицу в течение нескольких минут, затем Туссен пребывает в той реальности, которую видит сейчас, не помня о том какой эта улица была вчера или неделю назад. Туссен живёт настоящим в прямом смысле, забывая облик прошлых впечатлений.

Клотильду тяготила какая-то необъяснимая тревога. Она торопилась посетить мясной магазин, в который навещалась много лет с тех пор как поселилась с мужем в квартале Ля Муэтт. Атмосфера этого магазинчика привычна и, возможно рассеет её удручённое настроение. Конечно, Клотильда надеялась не только на доброжелательную обстановку.

XI

Только Луи Вермандуа вошёл в кабинет, как ему позвонила жена. Франсуа-Пьер тактично вышел заодно размять косточки и покурить. Около двух часов он был пригвождён, обзванивая гостиницы. На этот раз комиссар тоже оказался прав, и инспектор с нетерпением ожидал, чтобы выложить информацию. Разгуливая у входа в комиссариат, и изо всех сил дымя, Франсуа-Пьер решил немного повременить, помучить патрона и тем самым удовлетворить своё давнее любопытство.

– Патрон, – спросил инспектор, когда вернулся, – можно задать вопрос, который не относится к делу Жака Форси?

– Давай, да только побыстрее.

– Извините, господин комиссар, если этот вопрос как-то вас заденет.

– Франсуа-Пьер, что-то ты чересчур любезен, к чему бы это, а?

– О, нет-нет, ничего плохого... И, так вопрос: почему ваша жена называет вас Людовик?

– Потому что меня так зовут!

– Но, патрон?... Луи, извините для краткости?

– Именно! Всё?!

– Да... Людовик Вермандуа, почти как Людовик Валуа...

– Франсуа-Пьер, что происходит?

– Ничего, патрон. Просто взбрело в голову.

Да было время, когда будущий комиссар ненавидел своё имя, которое дала ему мать, несмотря на протесты отца. Мать – единственная из родственников – ярая поклонница монархии и выбрала самое красивое имя, принадлежащее многим королям Франции. Мальчик рос быстрее сверстников и выглядел высоким и худым, за что его дразнили Людовик Длинный и Людовик Тощий. Тогда мальчик по совету отца стал заниматься греблей и плаванием, а потом борьбой. Через несколько лет его уже называли Людовик Статный. И, тем не менее, подросток ненавидел и стыдился своего имени и мечтал его поменять. Но в старших классах изменил решение и назло всем, а точнее самому себе передумал менять имя. Только, когда поступил в полицию, стал называть себя для краткости Луи и так все коллеги привыкли за долгие годы, что забыли и не обращали внимания, что в документах и в удостоверении его имя – Людовик.

– Звонил в отели?

– Господин комиссар, вы опять правы. Жак Форси останавливался в двенадцати отелях из двадцати трёх, что я обзвонил и ещё в одном он забронировал номер на будущий четверг!

– Надо же! И, где они?

– По всему Большому Парижу и в ближних городках, предместьях. Насколько я заметил эти отели вблизи достопримечательностей или живописных мест.

– Может быть, он хотел отдохнуть от магазина, от жены?..

– И с другой женщиной, возможно...

– «Cherchez la femme...»⁵ Что же, не исключено.

⁵ Ищите женщину (фр.)

XII

Пежо Клотильды остановилось недалеко от мясного магазина.

«Странно, – подумала Клотильда, – но по-прежнему на душе скверно. Ещё немного осталось, может, удастся повидаться...» – и, сдерживая себя, чтобы не побежать, направилась к входу.

Едва вошла, ощутила что-то не так как всегда... какая-то пустота... Нет, конечно, витрины заполнены, покупательница выходит с битком набитым пакетом. Почему же Клотильда чувствует вокруг себя пустоту?!

– Добрый день, мадам Барбара, – пересиливая себя, улыбнулась Клотильда. – Как дела?

– О, мадам Клотильда, откуда же дню быть добрым при нынешнем состоянии...

– А, что мало покупателей?

– Нет, напротив. Хотя не все заходят за мясом, а больше за новостями.

– Вот это да, не знала, что этот магазин стал сосредоточием новостей.

– Как же, мадам, ведь всем любопытно, кто убил.

– Убил? Новый фильм или сериал? А я уж несколько дней не включала телевизор.

– О, мадам Клотильда, неужель до вас не дошла весть?

– О чём, мадам Барбара?

– Что Жака убили.

– Жака? Какого Жака?

– Как же! Моего мужа, Жака Форси!

– Вашего мужа?! УБИЛИ!

– О, что же вы так побледнели, мадам Клотильда?

– У меня из знакомых никогда ещё никого не убивали... Может быть это ошибка?

– Мадам, я тоже сначала не поверила, тогда меня отвезли... в морг на опознание.

– Когда это случилось?

– Позавчера вечером.

– Боже...

– А нашли Жака ночью. И, где как думаете, в Ля Дефанс. Чего его туда занесло?..

– Кто? – чуть заикаясь, спросила Клотильда. – Кто же его?..

– Мне тоже хотелось бы знать... Ищут... Как думаете, найдут?

– Если полиция не найдёт, наймём частного детектива. Я помогу. Мадам Барбара, если, что нужно для похорон или ещё что-то не стесняйтесь, обращайтесь, – и Клотильда достала из сумочки визитку, – звоните в любое время суток.

– О, мадам Клотильда, благодарю. У меня был записан где-то ваш телефон, вы давненько продиктовали, – и взяла визитку, положили в карман.

– Мадам Барбара, за что же убили месье Жака? Что говорят полицейские?

– Утверждают, что ограбление. Подумать только из-за нескольких евро, часов и мобильного человека убить!

– Похороны, когда? – едва выговорила Клотильда.

– Не знаю, инспектор сказал, что сообщат, когда можно забрать Жака, – мадам Барбара промокнула краем фартука скатившуюся слезу.

– Как несправедливо...

– Ой, мадам Клотильда, разве справедливость в жизни есть?

– Мадам Барбара, извините, у меня голова кружится, я пойду.

– Как же вы поведёте?

– Посажу в машине, если не пройдёт вызову такси.

– Что же вы хотели купить? Митарра вам вынесет.

– А,.. вот список, – Клотильда вынула из сумки листок бумаги.

– Не беспокойтесь, сейчас принесёт.

Клотильда хотела лечь на заднее сиденье, накрыться пледом, будто скрыться от всех, но сказала себе «нельзя». Села, положила руки и голову на руль. «Нет, заподозрят» – мелькнула мысль. Откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза.

Грохот из багажника испугал. Клотильда удивлённо посмотрела, приоткрыв дверцу. «Что там?» Крышка багажника хлопнула.

– Митарра, это ты?

– ДА!.. Ваш заказ, мадам! – бросила служанка, пронизав ненавидящим взглядом.

«Боже! Неужели она знает?..»

XIII

– Вы ничего не заметили в номере необычного? – спросил Луи Вермандуа у горничной отеля, где останавливался Жак Форси за несколько часов до своей смерти.

– Нет, месье. Мусора было мало. Бельё постельное и полотенца на своих местах. Ничего не сломано. Телевизор, холодильник и кондиционер выключены.

– А, постель, – вставил инспектор Фрежюс, – как думаете, мадам, в ней лежали?

– Да, месье, без сомнения. Хотя покрывало лежало более-менее аккуратно, но подушки, особенно простыня... будто лежали двое... Ну, вы меня понимаете, месье?

– Вы имеете в виду, что в постели, скорей всего было двое – мужчина и женщина, – подытожил комиссар.

– Похоже на то, месье.

– Скажите, камеры на этом этаже установлены?

– Да. Если честно, коридор, где этот номер не просматривается, а вот холл и лестница хорошо.

Комиссар отправил инспектора распорядиться, чтобы сделали копию с записи видеокамеры и также распечатали список всех, кто остановился в отеле не только в этот день, но и на день раньше и день позже. И, тем не менее, Луи Вермандуа всё ещё не торопился покинуть номер, будто не только в вещах, но и в самих стенах надеялся получить подсказку или просто не хотел выходить отсюда неосознанно, вернее не признаваясь себе, что дело может зависнуть. Комиссар всё ходит туда-сюда, продолжает осматриваться вокруг.

– Мадам, постельное бельё из этого номера, где?

– Отправили в прачечную, месье.

Комиссар сокрушённо сел в кресло и невольно его взгляд скользнул по стене, около которой стояла кровать.

– Что там?

– Где, месье?

– Наверху, над кроватью?

– Не знаю, какое-то пятно. Не заметила. Сейчас вытру.

– Нет, не трогайте.

Вернулся инспектор Фрежюс.

– Господин комиссар, копия записи готова, списки тоже.

– Хорошо. Мадам, покажите инспектору, где у вас стремянка. Франсуа-Пьер, возьми стремянку, посмотри, что там, – комиссар кивнул наверх стены над кроватью.

Инспектор ушёл с горничной, вскоре вернулся, неся стремянку.

– Ну?

– Отпечаток губ губной помадой, комиссар, очерченный зелёным контуром в виде сердца. Сейчас сфотографирую.

– Возьми пробы.

– Конечно, – инспектор потёр палочкой по контуру, другой по губной помаде с отпечатка губ.

– Франсуа-Пьер, как думаешь, если на кровать поставить стул и встать, женщина дотянется?

– Момент, проверим. Мадам, проводим следственный эксперимент, – инспектор убрал стремянку, пододвинул обратно кровать, переложил подушки, сдвинул простыню, поставил стул на кровать. – Мадам, прошу. Не беспокойтесь, я вас поддержу, а господин комиссар подстрахует, с другой стороны, – и сам взобрался на кровать, затем помог горничной подняться,

после чего поставил её на стул, поддерживая за талию. – Достаёте? Ваши губы на уровне отпечатка?

– Нет, месье, ниже.

– Насколько?

– Примерно на две фаланги пальца.

– Спасибо, мадам. Я вас держу, не бойтесь. Теперь, господин комиссар, мы знаем рост той, что была здесь.

– Если она имеет отношение к Жаку Форси.

– Вы считаете, что нет?

– Не знаю. Надо проверить в других отелях, есть ли подобные «печати» там?

– Вряд ли.

– И всё же придётся съездить и посмотреть.

XIV

Клотильда вернулась домой без сил, совершенно разбитая. Ещё в машине по мобильнику заказала в ресторане обед и ужин на дом. Такси вызывать не стала, чтобы не провоцировать нежелательные толки в квартале.

Клотильда долго стояла под душем, меняя температуру, обливаясь то горячими, то холодными струями. Контрастный душ не принёс душе облегчение.

В дверь позвонили. Это привезли заказ из ресторана. Пересиливая себя Клотильда пошла в мастерскую за мужем.

– Над чем работаешь?

– О, дорогая опять вкусно пахнешь... А, это эскиз «Мастерская художника».

– Идём обедать, Туссен и не забывай об отдыхе.

– Ты что-то хочешь предложить?

– О, не сегодня, Туссен. После обеда иду в свою спальню. Голова болит. Нездоровиться. Может магнитные бури?

– А-а, мне тоже сегодня не очень.

– Ты много работаешь, так что неудивительно. Передохни, поваляйся на диванчике, послушай музыку, песни.

– Дорогая, ты же знаешь лежать просто, а не спать я не люблю, а вот насчёт музыки, с удовольствием.

XV

Комиссар и инспектор посетили те отели, где останавливался Жак Форси из тех, что обзвонил Франсуа-Пьер. И во всех номерах они обнаружили на стенах над кроватью отпечатки губной помады в виде губ внутри сердца, контур которого почему-то зелёный.

До полночи просматривали копии записей с видеокамер и сравнивали списки постояльцев. Из множества мелькающих лиц и снующих фигур всё же удалось отличить женщину, которая появлялась на всех записях по нескольку раз. Четырежды камерам удалось зафиксировать, когда она входила, кстати, без стука и выходила из номера Жака. Форси. Вот только лицо полностью разглядеть подробно не удавалось. Постоянно что-то мешало: тень от полей шляпки или капюшон, накинутая косынка или шарфик, будто небрежно наброшенный на голову, которых у неё, видимо, было множество различных расцветок. И всё же узнать её можно было, ещё бы при столь внимательном осмотре. Она явно не хотела быть узнаваемой. Нигде, ни на лестнице, ни в холле, ни в коридоре Жак Форси с ней не появлялся. А, может быть она замужем и опасается за свою репутацию? Или, напротив эти меры предосторожности предпринял месье Форси, чтобы его не увидел кто-нибудь из знакомых и не сообщил жене?

Из нескольких сотен фамилий постояльцев, что были в списках повторилась только дважды одна: Клотильда Тостивен. Что это случайность?

– Тостивен, Тостивен, – повторял инспектор Фрежюс, – где-то я уже слышал или видел, или встречал эту фамилию.

– Вспоминай, вспоминай, Франсуа-Пьер!

– Легко сказать!.. Вспомнил! Я и слышал, и видел! Это фамилия художника, абстракциониста! Видел его картины в художественном салоне. О нём там много говорили. Картины его ценятся высоко, мне не по карману.

– Ну! Не предполагал, Франсуа-Пьер, что ты посещаешь художественные салоны не с целью поиска улик, а для приобретения художественных ценностей в личное пользование.

– Да, патрон! Бывает! Посещаю выставки и галереи, а не трачу свой скудный доход на скачки по вашему примеру!

– Не прибедайся, не такой уж он и скудный.

– Но и не зашикуешь!

– Это верно... А, что тянет?.. Вернёмся к Тостивену. Предположим она его дочь.

– У Туссена Тостивена дети – это его картины!

– Тогда жена.

– Господин комиссар, что вы говорите?! Если эта женщина жена, то жена знаменитого художника! Что может быть общего у неё и продавца мяса?!

– Ну, не совсем продавца, а владельца магазина – это первое. Второе: она – женщина, он – мужчина. И уж кому объяснять, да только не тебе!

– НЕ верю! Чтобы жена Туссена Тостивена была любовницей мясника?! Нет, нет, нет!.. Постойте, сейчас найду в интернете её фотографию и вы убедитесь!

– Думаешь, там будет, может в нашей базе поискать?

– Наверняка журналисты сфоткали не только одного художника, но и вместе с женой.

– Это она?

– ...

– Похожа или непохожа, никак не пойму, как считаешь Франсуа-Пьер?

– Издеваетесь, патрон?

- Так, инспектор Фрежюс, чтобы завтра, нет уже сегодня в десять тридцать вот эта дама была у меня в кабинете... А теперь пора вздремнуть.
- Давно пора, – пролепетал вдогонку Франсуа-Пьер.

XVI

– Мы любили друг друга, – произнесла Клотильда Тостивен, едва сдерживая рыдания. Комиссар победоносно взглянул на инспектора Фрежюса, а тот ошарашено таращился на посетительницу. – А, что за знак мы оставляли? Так это в начале была моя шутка... Понимаете, наш первый день близости вернул мне ощущения счастья, которое я давно уже не испытывала. Снова почувствовала себя женщиной желанной, любимой. В порыве восторга захотелось всех расцеловать даже стены, которые нас приняли! И всё же осторожности ради, чтобы Жаку не прислали штраф за мою шалость постаралась сделать малозаметной. Вы, ведь, наверняка заметили не сразу, правда? Вот я с помощью Жака взобралась на стул, поставленный на кровать, и оставила свою печать. Жак тоже захотел поучаствовать и обвёл отпечаток моих губ фломастером, с собой у него был только зелёный, он им помечал что-то в своих расходных книгах. Потом мы решили, это будет наш знак в память о совместном счастье, потому что мы не предполагали, что нам удастся продержаться почти шесть лет. И наше отношение друг к другу оставалось таким же как в начале, нет, пожалуй, мы стали ещё роднее и ещё ближе... Когда я узнала от мадам Барбары... чуть сама не умерла... какая теперь мне жизнь без Жака, но надо жить, чтобы продолжать заботиться о Туссене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.